

Трибуна молодым ученым

Е. Е. Гуляева*

Стандарты Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года по ограничению свободы душевнобольных, алкоголиков, наркоманов и бродяг

Статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹ (далее — Конвенция), закрепляя право на свободу и личную неприкосновенность, предусматривает исчерпывающий перечень правовых оснований ограничения рассматриваемого права.

Подпункт «е» п. 1 ст. 5 Конвенции допускает «законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг».

Для уяснения содержания данного основания необходимо обратить внимание на ту цель, которую подразумевает положение подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции. Принимая во внимание, что ограничение права на свободу и личную неприкосновенность таких лиц направлено на предотвращение причинения ими вреда себе или обществу, можно отнести указанное основание к категории превентивного заключения лиц под стражу.

В той или иной форме превентивное заключение под стражу является общей чертой большинства правовых систем, выступая в качестве средства социальной защиты². Безусловно, концепция превентивного заключения под стражу включает в себя значительно больший круг оснований, нежели те, которые прописаны в рассматриваемом положении Конвенции. Так, отдельные авторы относят к превентивному заключению под стражу соответствующие случаи, касающиеся как душевнобольных лиц и бродяг, так и лиц, ожидающих разбирательства их дела судом³. Другие специалисты, особый акцент делают на заключении под стражу по политическим основаниям, а также в целях защиты национальной безопасности⁴.

Основная проблема в понимании природы предусмотренного подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции основания ограничения права на свободу и личную неприкосновенность заключается в том, что, с одной стороны, оно допускает применение меры превентивного характера (и применяется не в связи с совершенным лицом правонарушением), а с другой — такую превентивную меру не следует воспринимать как возможность заключения лица под стражу «за будущие правонарушения».

Конвенция выделяет пять специальных категорий лиц, право на свободу и личную неприкосновенность которых может быть ограничено в силу лишь потенциальной их опасности для общества или самих себя. Связующим звеном между

---

* Аспирант кафедры европейского права и сравнительного правоведения Саратовской государственной академии права.

¹ Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

² См.: Preventive Detention: a Comparative and International Law Perspective / ed. by S. Frankowski, D. Shelton. Dordrecht, 1992. P. 302.

³ Ibid. P. 299.

⁴ См.: Preventive Detention and Security Law: a Comparative Survey / ed. by A. Harding, J. Hatchard. Dordrecht, 1993. P. 312.

этими категориями лиц является положение, что они могут быть лишены свободы в лечебных целях или в целях, продиктованных социальной политикой, либо одновременно по медицинским и социальным основаниям¹. В связи с этим Суд делает вывод о том, что основная причина, по которой Конвенция допускает лишение свободы лиц, перечисленных в подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции, — не только то, что они представляют угрозу для общественной безопасности, но также и то, что их собственные интересы могут требовать их заключения под стражу².

Таким образом, можно выделить двойной объект, на охрану которого направлено предусмотренное подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции основание для вмешательства в право на свободу и личную неприкосновенность. Таким объектом выступает, с одной стороны, общественная безопасность, а с другой — собственные интересы лица. Разделение этого объекта, на наш взгляд, не имеет практического значения, поскольку данные элементы неразрывно связаны между собой³. Вместе с тем автономное рассмотрение его элементов необходимо для уяснения содержания данного объекта и может представлять определенный теоретический интерес.

Первый из элементов — **общественная безопасность**. Она является категорией, которая закреплена во многих статьях Конвенции с так называемой «ограничительной оговоркой» (ст.ст. 8–11 Конвенции, ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции). Данные рассуждения основаны на обращении к англоязычной версии Конвенции, в тексте которой общественная безопасность — *«public safety»* — действительно звучит во всех этих статьях, в официальном же переводе Конвенции на русский язык этот термин переводится как «общественная безопасность» либо как «общественный порядок» или «общественное спокойствие». На наш взгляд, эти термины в рассматриваемом контексте синонимичны.

Поскольку статья 5 Конвенции отдельной, общей для всех оснований ограничительной оговорки не содержит, то цели ограничения права на свободу и личную неприкосновенность могут быть выявлены в результате обращения к отдельным подпунктам п. 1 ст. 5 либо при анализе соответствующей практики ЕСПЧ. Рассматриваемое основание не содержит специального указания на допустимые цели вмешательства, однако практика Суда выделяет в качестве таковых общественную безопасность и интересы самого лица, в отношении которого осуществляется вмешательство. Справедливо, что осмысление категории «общественная безопасность» применительно к подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции должно быть идентичным ее пониманию в контексте других статей Конвенции.

ЕСПЧ автономно не раскрывает содержание понятия «общественная безопасность». Вероятно, это объясняется тем, что в правовом смысле данная категория может определяться по-разному в законодательстве различных государств, по-разному может и пониматься ее значение в науке⁴. В связи с этим представля-

¹ См.: Application no. 26629/95, Witold Litwa v. Poland, ECHR Judgment of 4 April 2000, § 60.

² См.: Application no. 7367/76, Guzzardi v. Italy, ECHR Judgment of 06 November 1980, § 98; Application no. 26629/95, Witold Litwa v. Poland, ECHR Judgment of 4 April 2000, § 60.

³ В большинстве дел по подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции Суд специально не делает различия в отношении того, для чего именно опасно лицо — для общества или для себя, как правило, эти элементы объединены.

⁴ О российском научном подходе к пониманию категории «общественная безопасность» см.: *Конин В. Н. Методология исследования общественной безопасности // Административное право и процесс. 2010. № 5. О некоторых зарубежных научных и правоприменительных подходах см.: The Judicial Application of Human Rights Law: National, Regional and International Jurisprudence / ed. by N. Jayawickrama. Cambridge, 2002. P. 194.*

ется, что Конвенция оставляет за государствами широкую свободу усмотрения¹ в отношении определения содержания данного термина, а сами статьи Конвенции используют его, скорее, в узком значении, что следует из «соседства» в них общественной безопасности с такими целями, как, например, национальная безопасность, общественный порядок, предотвращение преступлений и т. д.

Второй элемент объекта — *собственные интересы лица*. Следует отметить, что выделить такую цель можно лишь благодаря обращению к правовым позициям ЕСПЧ, а в явном виде ни в одной статье Конвенции она не упоминается. Вполне очевидно, что такая цель может вполне обоснованно появиться, главным образом, применительно к тем лицам, которые по тем или иным причинам не в полной мере могут осознавать опасность для самих себя. К таким лицам можно отнести душевнобольных лиц, наркоманов, алкоголиков, а также несовершеннолетних лиц². Вместе с тем представляется, что и охватываемые подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции лица, страдающие инфекционными заболеваниями, а также бродяги также могут быть лишены свободы в их собственных интересах. При этом важно отметить, что в ряде случаев такие лица прекрасно осознают необходимость лишения их свободы в их собственных интересах и сознательно соглашаются на применение данной меры со стороны государства³.

Таким образом, задержание или заключение под стражу лиц, перечисленных в рассматриваемом положении Конвенции, в иных целях (например, по подозрению в совершении правонарушения или после осуждения компетентным судом за совершение правонарушения), не охватывается подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции, поскольку для таких целей действуют иные правовые основания ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

Следует отметить, что для правомерности соответствующих мер имеет значение и определенная связь между целью вмешательства и теми средствами, которые используются для ее достижения. Очевидно, что само по себе лишение свободы обеспечить общественную безопасность или защиту собственных интересов лица в полной мере не может. В связи с этим ограничение права на свободу и личную неприкосновенность в случаях, охватываемых данным положением Конвенции, не должно быть исчерпывающей мерой, применяемой в отношении рассматриваемых категорий лиц. Практика ЕСПЧ свидетельствует о том, что правомерность лишения свободы лица в соответствии с подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции предполагает применение к нему не только мер, направленных на его изоляцию от общества, но и специальных мер, нацеленных на снижение его опасности для себя и общества⁴. Главным образом, это меры медицинского характера, однако речь может идти и о других реабилитационных мерах (например, в отношении бродяг).

Рассматривая круг перечисленных в подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции субъектов, следует отметить, что обоснование наличия особого правового статуса у так

¹ О категории свободы усмотрения государств см.: *Липкина Н. Н.* Правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно свободы усмотрения государств при осуществлении вмешательства в права и основные свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

² В практике по подп. «d» п. 1 ст. 5 Конвенции есть пример того, как несовершеннолетнее лицо было заключено под стражу в его собственных интересах. (См.: Application no. 10929/84, *Nielsen v. Denmark*, ECHR Judgment of 28 November 1988, §§ 72–73).

³ См., например: Application no. 2832/66; 2835/66; 2899/66, *De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*, ECHR Judgment of 18 June 1971.

⁴ См.: Application no. 7367/76, *Guzzardi v. Italy*, ECHR Judgment of 06 November 1980, § 98; Application no. 26629/95, *Witold Litwa v. Poland*, ECHR Judgment of 4 April 2000, § 60.

называемых «маргинальных групп» встречается и в российской правовой науке. При этом таких лиц, как проститутки, беспризорные и безнадзорные несовершеннолетние, бродяги, попрошайки, бомжи, наркоманы принято относить к социальному слою маргиналов — «асоциальный общественный слой, или асоциальные группы»¹. Изучая особенности поведения данной группы, российские ученые отмечают, что поведение маргиналов чаще всего бывает на грани правомерного и неправомерного², либо указывают на пограничность, близость маргинального поведения к противоправному³.

Не проводя четких параллелей между категориями лиц, относимых к маргинальным группам в российской доктрине, и лиц, перечисленных в подп. «е» ч. 1 ст. 5 Конвенции, следует все же подчеркнуть схожесть мотивов выделения и той и другой категории лиц: и в том и в другом подходах противоправность поведения лиц не является критерием изъятий, действующих в их отношении. Применительно к положению Конвенции это означает, что им не охватываются случаи, когда соответствующее лицо заключается под стражу по подозрению в совершении правонарушения либо в качестве наказания за совершенное правонарушение (такие случаи охвачены соответственно подп. «с» и подп. «а» п. 1 ст. 5 Конвенции). Иными словами, ключевое значение имеет тот факт, что «поведение (лица. — Е. Г.) находится на грани антиобщественного, ведущего к правонарушению, однако не становится таковым»⁴.

Исследования российских ученых относительно правовых вопросов маргинального поведения личности могут также помочь объяснить и тот факт, что государство несет особую ответственность за маргинальное положение личности в обществе, причем такая ответственность включает в себя и позитивную ответственность, связанную с необходимостью преодоления маргинального положения, предотвращения попадания индивида в маргинальную ситуацию и т. д.⁵ В этой связи возникает мысль **об обязанности государства** осуществить те ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, которые предусмотрены подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции в отношении соответствующих лиц при соблюдении прочих необходимых условий.

Рассматриваемое положение Конвенции оставляет за государством значительную свободу усмотрения в законодательном и правоприменительном разрешении вопросов, связанных с правовым статусом перечисленных категорий лиц. Это обусловлено в первую очередь тем, что ни Конвенция, ни практика Суда и Комиссии не содержат детальной расшифровки терминов «инфекционное заболевание», «душевнобольное лицо», «алкоголик», «наркоман», «бродяга»⁶. Вместе с тем такая свобода усмотрения не является безграничной. Относительно толкования подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции в практике Суда все же содержится ряд важнейших правовых позиций, позволяющих выявить общие стандарты применения данного положения Конвенции. Кроме того, сама формулировка подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции в силу представляемой ею широты свободы усмотрения государств представляет значительную опасность для злоупотребления с их стороны,

¹ Никитин А. А. Специальный правовой статус маргинальных групп // Вестник СГАП. 2005. № 2. С. 43.

² См.: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2003. С. 431—432.

³ См.: Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности. Киев, 1985. С. 99.

⁴ Там же. С. 99—100.

⁵ См.: Сенякин И. Н., Никитин А. А. Проблемы ответственности государственной власти за маргинальное положение личности в обществе // Вестник СГАП. 2008. № 6. С. 15.

⁶ См.: European Human Rights Law. The Human Rights Act 1998 and the European Convention on Human Rights / ed. by K. Starmer. London, 1999. P. 108—110.

поэтому и Европейская Комиссия по правам человека, и Европейский Суд неоднократно обращали внимание на необходимость ограничительного толкования данного положения¹.

Подобно другим подпунктам п. 1 ст. 5 Конвенции рассматриваемое положение содержит специальное указание на необходимость соблюдения требования законности применительно к заключению под стражу, что также предполагает наличие у государств определенной свободы усмотрения, ограниченной, однако, правовыми рамками, определенными в Конвенции. Наличие критерия законности в формулировке положения объясняет и отсутствие указания на орган, который вправе принимать решение о заключении под стражу, поскольку данный вопрос также разрешается в национальном праве соответствующего государства. Таким образом, подобное решение не обязательно должно быть принято судебным органом, однако следует принимать во внимание, что в любом случае такое ограничение права на свободу и личную неприкосновенность является предметом судебного контроля в порядке п. 4 ст. 5 Конвенции².

Пределы действия подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции ограничены не только специальными целями вмешательства в право на свободу и личную неприкосновенность, но и более значимым обстоятельством, касающимся вопроса о наличии вмешательства как такового. В обстоятельствах дела «*Nielsen v. Denmark*» было установлено, что госпитализация 12-летнего мальчика в психиатрическую палату государственного госпиталя была осуществлена по требованию его матери. Рассматривая данное дело, Комиссия подчеркнула, что подп. «а»–«f» п. 1 ст. 5 Конвенции охватывают лишь те случаи, когда лицо лишается свободы государством или когда государство иным образом является ответственным за лишение свободы. Те же случаи, когда лишение свободы — исключительно результат действий частных лиц, не входят в сферу действия второго предложения подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции. Однако в таких случаях необходимо проверить соблюдение государством своей общей обязанности защитить право на свободу и личную неприкосновенность лица в соответствии с первым предложением п. 1 ст. 5 Конвенции³. В своем отчете по данному делу Комиссия отметила, что тот факт, что решение о госпитализации было принято матерью ребенка, еще не исключает действие п. 1 ст. 5 Конвенции, поскольку главный врач больницы обязан был проверить, было ли такое решение обоснованным⁴. Вместе с тем Суд, рассматривая данное дело, занял несколько иную позицию: сделал вывод о том, что ст. 5 Конвенции не применима к такой госпитализации, поскольку решение фактически было принято все же частным лицом, а не государством⁵.

Правовые позиции ЕСПЧ по делу «*Nielsen v. Denmark*» свидетельствуют о том, что на государство хоть и возлагаются определенные позитивные обязательства в соответствии с подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции, однако они не являются чрезмерными, и государство не несет ответственность за действия частных лиц.

¹ См.: Application no. 6998/75, *X v. United Kingdom*, Commission's Report of 16 July 1980; Application no. 6870/75, *B v. the United Kingdom*, Commission's Report of 7 October 1981; Application no. 7367/76, *Guzzardi v. Italy*, ECHR Judgment of 06 November 1980.

² См.: *The European Convention on Human Rights. Fourth Edition* / ed. by C. Ovey and R.C.A. White. Oxford, 2006. P. 591.

³ См.: Application no. 10929/84, *Nielsen v. Denmark*, Commission's Report of 12 March 1987, § 102.

⁴ См.: Application no. 10929/84, *Nielsen v. Denmark*, Commission's Report of 12 March 1987, §§ 103–106.

⁵ См.: Application no. 10929/84, *Nielsen v. Denmark*, ECHR Judgment of 28 November 1988, § 63.

Такой подход представляется справедливым по отношению к содержанию всех предусмотренных п. 1 ст. 5 Конвенции оснований ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

В судопроизводстве положения подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции раскрываются неравномерно с точки зрения объема правовых позиций в отношении различных категорий лиц: достаточно обширна практика в отношении душевнобольных и бродяг и лишь незначительное число дел касается алкоголиков, наркоманов и предотвращения распространения инфекционных заболеваний. Более того, именно правовые позиции в отношении заключения под стражу душевнобольных проработаны достаточно детально и с определенными поправками могут служить ориентиром для применения положений подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции и к остальным категориям перечисленных в нем лиц¹. Хотя ЕСПЧ напрямую не говорит об этом, к такому выводу можно прийти, анализируя его практику.

Суд, разбирая дела, касающиеся заключения под стражу душевнобольных лиц, выработал систему специальных критериев, которые должны быть соблюдены при осуществлении вмешательства в предусмотренное ст. 5 Конвенции право. Так, в ряде постановлений отмечено, что лицо не может считаться душевнобольным в контексте п. 1 ст. 5 Конвенции и лишено свободы, если не соблюдаются три минимальных условия: 1) должно быть достоверно установлено наличие у лица душевного расстройства; 2) душевное расстройство лица должно иметь характер или степень, требующие заключения его под стражу; 3) продолжение содержания лица под стражей зависит от сохранения у него соответствующего душевного расстройства². Вместе с тем упомянутый тест имеет определенные особенности применительно к каждой категории.

Раскрывая содержание *первого критерия*, Суд отмечает, что заключение под стражу лица, которое считается душевнобольным, не может считаться соответствующим подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции без получения заключения медицинского эксперта. Любой иной подход будет противоречить закреплённому в ст. 5 Конвенции требованию защиты от произвола³. При этом формы и процедура медицинского освидетельствования могут быть разными в зависимости от обстоятельств. В чрезвычайных ситуациях или в случаях, если лицо арестовано вследствие его противоправного поведения, мнение медицинского эксперта может быть получено немедленно после заключения под стражу. Так, в силу чрезвычайности обстоятельств ЕСПЧ не усматривал нарушений ст. 5 Конвенции в случаях, например, когда соответствующее медицинское заключение давалось врачами скорой помощи⁴ или даже специалистами по телефону⁵. Во всех остальных случаях, прежде чем заключить лицо под стражу, необходимо проведение предварительного обследования на предмет наличия у лица душевного расстройства⁶. В тех же ситуациях, когда нет иной

¹ См.: European Human Rights Law. The Human Rights Act 1998 and the European Convention on Human Rights / ed. by K. Starmer. London, 1999. P. 108–110.

² См.: Application no. 9019/80, Luberti v. Italy, ECHR Judgment of 23 February 1984, § 27; Application no. 7215/75, X v. the United Kingdom, ECHR Judgment of 5 November 1981, § 40; Application no. 1602/62, Stögmüller v. Austria, ECHR Judgment of 10 November 1969, § 4; Application no. 6301/73, Winterwerp v. Netherlands, ECHR Judgment of 24 October 1979, § 39; Application no. 7906/77, Van Droogenbroeck v. Belgium, ECHR Judgment of 24 June 1982, § 40.

³ См.: Application no. 31365/96, Varbanov v. Bulgaria, ECHR Judgment of 5 October 2000, § 47.

⁴ См.: Application no. 58973/00, Rakevich v. Russia, ECHR Judgment of 28 October 2003, §§ 28–29.

⁵ См.: Application no. 44672/98, Herz v. Germany, ECHR Judgment of 12 June 2003, § 44.

⁶ См.: Application no. 44568/98, R.L. and M. - J.D. v. France, ECHR Judgment of 19 May 2004, § 117.

возможности, например, при отказе лица пройти освидетельствование, необходима как минимум оценка его состояния медицинским экспертом на основе изучения соответствующих документов¹. По общему же правилу принудительное помещение лица в медицинское учреждение для прохождения психиатрического обследования в том случае, если лицо было обязано пройти такое обследование, но не сделало этого добровольно, не подпадает под действие подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции, а охватывается действием подп. «b» п. 1 ст. 5 Конвенции².

Более того, медицинские выводы должны быть основаны на оценке душевного состояния *в момент* освидетельствования, а не исключительно на оценке событий прошлого, из чего ЕСПЧ делает вывод о том, что если прошло значительное время, экспертное медицинское мнение не может считаться достаточным для оправдания заключения лица под стражу³. При этом ЕСПЧ может оценивать и объективность медицинского заключения врача-психиатра, которое, как следует из обстоятельств дела «*Kay v. the United Kingdom*», может быть основанным лишь на документальных свидетельствах без личного освидетельствования пациента врачом⁴.

Второе условие, которое должно быть выполнено для соблюдения требования подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции, заключается в том, что душевное расстройство лица должно иметь характер или степень, требующие заключения его под стражу. Содержание данного условия раскрывается в требовании пропорциональности вмешательства преследуемой цели⁵. Рассматривая дело «*R.L. and M.-J.D. v. France*», Суд отметил, что «лишение лица свободы представляет собой настолько серьезную меру, что ее применение может быть оправдано только тогда, когда вопрос о применении других, менее суровых мер был рассмотрен и они были признаны недостаточными для защиты личных и общественных интересов. Должно быть установлено, что лишение свободы было необходимым в данных обстоятельствах»⁶.

Относительно данного критерия следует подчеркнуть, что характер и степень психического заболевания лица должны не просто *оправдывать* заключение лица под стражу, а *требовать* применения такой меры в качестве обязательной. В своем Постановлении по делу «*Hutchison Reid v. the United Kingdom*» Суд отметил, что ключевое значение в данном случае имеет то обстоятельство, что было должным образом установлено наличие у заявителя душевного расстройства такой степени, которая требует обязательного содержания под стражей, и пришел к выводу об отсутствии нарушения ст. 5 Конвенции в отношении заявителя⁷.

Суд обращает также внимание на то, что должна существовать определенная взаимосвязь между основанием лишения свободы (в данном случае — это душевное расстройство), с одной стороны, и местом и условиями содержания лица под стражей — с другой. При этом задержание душевнобольного лица будет правомерным с точки

¹ См.: Application no. 31365/96, Varbanov v. Bulgaria, ECHR Judgment of 5 October 2000, § 47.

² Законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом.

³ См.: Application no. 31365/96, Varbanov v. Bulgaria, ECHR Judgment of 5 October 2000, § 47.

⁴ См.: Application no. 17821/91, Kay v UK, Commission's Report of 1 March 1994, §§ 51–53.

⁵ См.: La Convention européenne des droits de l'Homme. Trois années de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'Homme (1 janvier 2002 — 1 janvier 2005). Vol. I Articles 1 à 6 de la Convention // ed. Sébastien van Drooghenbroeck. Bruxelles, 2006. P. 64.

⁶ Application no. 44568/98, R.L. and M. - J.D. v. France, ECHR Judgment of 19 May 2004, § 116; Application no. 26629/95, Witold Litwa v. Poland, ECHR Judgment of 4 April 2000, § 78.

⁷ См.: Application no. 50272/99, Hutchison Reid v. the United Kingdom, ECHR Judgment of 20 February 2003, §§ 50–56.

зрения целей подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции, если данное лицо помещено в больницу, клинику или другое соответствующее учреждение¹. Представляется, что данное условие входит в содержание рассматриваемого критерия, хотя некоторые исследователи выделяют его как дополнительное четвертое специальное условие правомерности².

Раскрывая данное условие, Суд отмечает, что требование правомерности любого заключения под стражу относится как к назначению такой меры как таковой, так и к вопросам, связанным с ее исполнением. В этой связи правомерность предполагает соответствие вмешательства как нормам национального права, так и закрепленным в п. 1 ст. 5 Конвенции допустимым целям ограничения права на свободу и личную неприкосновенность в соответствии с положениями ст. 18 Конвенции. Тем не менее, отмечая необходимость существования взаимосвязи между основанием лишения свободы, с одной стороны, и местом и условиями содержания лица под стражей — с другой, ЕСПЧ указывает, что подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции не включает гарантию надлежащего лечения³. То есть речь идет о том, что Конвенция не обязывает государство обеспечить душевнобольному лицу какое-либо конкретное лечение⁴. Более того, даже в том случае, если заболевание не поддается лечению, заключение под стражу может быть правомерным с точки зрения Суда⁵.

В соответствии с *третьим условием*, которое должно быть соблюдено при содержании лица под стражей согласно подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции, продолжение применения к нему этой меры зависит от сохранения у него соответствующего душевного расстройства. Данный критерий предполагает необходимость периодического контроля за обоснованностью содержания душевнобольного лица под стражей в связи с тем, что его психическое состояние может изменяться⁶.

Подобный подход в отношении душевнобольных применяется с некоторыми особенностями и к другим категориям лиц, таким как алкоголики, наркоманы, бродяги, а также к лицам, страдающим инфекционными заболеваниями.

Подводя итог, необходимо отметить, что в практике Суда выработаны правовые позиции в отношении заключения под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, душевнобольных, алкоголиков, наркоманов и бродяг. Правомерное вмешательство в право на свободу и личную неприкосновенность рассматриваемой категории лиц должно преследовать цели, которые подразумеваются в положении подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции, что выражается в необходимости соблюдения ряда условий правомерности заключения таких лиц под стражу, выработанных в практике ЕСПЧ.

¹ См.: Application no. 50272/99, *Hutchison Reid v. the United Kingdom*, ECHR Judgment of 20 February 2003, § 49; Application no. 8225/78, *Ashingdane v. the United Kingdom*, ECHR of Judgment of 28 May 1985, § 44; Application no. 25357/94, *Aerts v. Belgium*, ECHR Judgment of 30 July 1998, §§ 42-50. Примеры очевидного нарушения рассматриваемого условия см. Application no. 49902/99, *Brand v. Netherlands*, ECHR Judgment of 11 May 2004, § 62; Application no. 48865/99, *Morsink v. Netherlands*, ECHR Judgment of 11 May 2004, § 60.

² См.: *The European Convention on Human Rights. Fourth Edition* / ed. by C. Ovey and R. White. Oxford, 2006. P. 591.

³ См.: Application no. 8225/78, *Ashingdane v. the United Kingdom*, ECHR of Judgment of 28 May 1985, § 44; Application no. 6301/73, *Winterwerp v. Netherlands*, ECHR Judgment of 24 October 1979, § 51; Application no. 6870/75, *B. v. the United Kingdom*, Commission's Report of 7 October 1981.

⁴ См.: *European Human Rights Law. The Human Rights Act 1998 and the European Convention on Human Rights* / ed. by K. Starmer. London, 1999. P. 108–110.

⁵ См.: Application no. 50272/99, *Hutchison Reid v. the United Kingdom*, ECHR Judgment of 20 February 2003, § 52.

⁶ См.: Application no. 6870/75, *B. v. the United Kingdom*, Commission's Report of 7 October 1981, § 208.

Право на свободу и личную неприкосновенность — одно из основополагающих прав человека. Будучи закрепленным в Конвенции, в настоящее время данное право сформировалось в качестве целого комплекса правовых стандартов, выработанных за годы деятельности ЕСПЧ. Изучение и уяснение этих стандартов, в том числе в делах в отношении Российской Федерации, представляют значительный научный и практический интерес в свете положений ст. 15 Конституции РФ, закрепляющей примат применения норм международных договоров в России.